

15. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.04.2014 N 16973/13 [Электронный ресурс]: по делу № А40-118038/12-105

1100//КонсультантПлюс.URL:<http://www.consultant.ru>.

16. Винавер М. М. Из области цивилистики, сборник научных статей. СПб.: 1908. – 337 с.

Suslikov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, the Southwest State University (50 years of October St., Kursk, 305040, Russian Federation). E-mail: svn60@mail.ru

Chumakova Olga Nikolaevna, lecturer in financial law, constitutional, civil and administrative proceedings, the Southwest State University, (50 years of October St., Kursk, 305040, Russian Federation). E-mail: Olga-NH@yandex.ru

RESPONSIBILITY OF THE PARTIES FOR NON-FULFILLMENT OF OBLIGATIONS, THE LAW BY A PRELIMINARY CONTRACT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract

The article is devoted to the application of measures of civil liability and other measures of influence on the party-violator of the preliminary contract. Having analyzed the subject matter of the preliminary contract construction and considered the concepts of "debtor" and "creditor", it is obvious that the presentation of a claim by one of the parties to the preliminary contract on the conclusion of the main contract does not deprive the counterparty of the right to present a similar claim. The author considers the participation of third parties in the obligation as non-contractual legal relations arising from the preliminary contract. Among the means to ensure that the commitments given, such as: compulsion to conclude the basic contract, damages, earnest money, advance payment, penalty.

Key words: preliminary contract, civil liability, debtor, creditor, third party liability, pre-emptive right, damages, Deposit, advance payment, penalty.

УДК 347.4

DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-2-71-75

УЧЕТ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ

Щедрина

Наталья

Дмитриевна

аспирант кафедры гражданского права,

Южный федеральный университет

(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, д. 88).

E-mail: nata-200779@mail.ru

Аннотация

Принудительное лицензирование остается одним из самых дискуссионных институтов права интеллектуальной собственности, предметом споров ученых и правоприменителей на уровне как национальных правовых порядков, так и международного взаимодействия в данной сфере. Вне зависимости от отношения к данному институту и пределам его использования в гражданском обороте специалисты сходятся во мнении о том, что публичный интерес является необходимым основанием выдачи принудительной лицензии. Однако единое понимание того, в чем должен заключаться такой интерес и каковы пределы толкования его содержания, в науке отсутствует. Данная проблема исследуется в статье с учетом опыта зарубежных стран в этой сфере.

Ключевые слова: гражданское право, принудительная лицензия, злоупотребление правом, публичный интерес, право интеллектуальной собственности, патентообладатель, конкуренция.

Актуальность исследования норм гражданского законодательства о принудительном лицензировании объектов патентных прав возросла в последние годы в связи с активизацией в специальной литературе дискуссии о возможном расширении сферы

применения данного института. При этом отечественные ученые отмечают несовершенство регламентации принудительного лицензирования в Российской Федерации, ее отставание от потребностей общественного развития и несоответствие складывающимся в международной практике подходам к данному вопросу [1, с. 78 – 93].

Одновременно в России продолжается спор относительно пределов использования принудительных лицензий в сфере оборота результатов интеллектуальной деятельности. Одни ученые полагают, что такие пределы должны быть ограничены лишь определенными областями. Например, по мнению А. С. Ворожевич, принудительное лицензирование вполне возможно и оправдано лишь в сфере оборота комплексных инновационных продуктов, в частности в сфере телекоммуникаций и ИТ-технологий, когда на один коммерческий проект имеется множество патентов разных лиц, а потому отказ одного из них предоставить лицензию «может блокировать научно-технический и производственный процесс, что противоречит назначению патентных прав» [2, с. 49]. Другие, напротив, полагают, что необходимо существенное расширение области применения принудительного лицензирования, как это имеет место в других странах, в частности в США [1, с. 90].

При этом обе группы ученых едины во мнении, что основной причиной выдачи принудительной лицензии должно являться обеспечение публичных интересов. Данное мнение находит свою поддержку и в международных актах, в частности в Международной конвенции по охране новых сортов растений (УПОВ) 1961 г. [3], статья 17 которой предусматривает возможность ограничения прав селекционера «только в силу причин, обусловленных общественными интересами». Данные интересы заключаются в том, что развитие и активное использование новых сортов растений и пород животных является элементом продовольственной безопасности. Кроме того, как отмечается в литературе, человечество заинтересовано в создании условий, когда «каждое новое достижение селекции способно в полной мере проявить свои конкурентные преимущества» [4].

Вместе с тем в иных случаях принудительного лицензирования публичный интерес не всегда может быть так ясно истолкован. Поэтому неслучайно, что в специальной литературе неопределенность понятия данного интереса называется одной из наиболее серьезных проблем, возникающих в сфере принудительного лицензирования. В зарубежных странах эта проблема решается на уровне закона или судебной практики. Так, Верховный суд Германии, анализируя решение Федерального патентного суда о выдаче принудительной лицензии, пришел к выводу о многоаспектности общественного интереса, выделив, в частности, экономический, социальный, технический и медицинский аспекты [5, с. 26]. Статья 7 вьетнамского Закона об интеллектуальной собственности 2005 г. предусматривает возможность выдачи принудительной лицензии, в том числе, в публичных интересах, которые обнаруживаются в обеспечении обороны и безопасности государства, средств к существованию людей и др. [6]. Патентный закон Индии 1970 г. устанавливает возможность принудительного лицензирования в публичных интересах, к которым, в частности, относятся поощрение создания и использования в промышленном масштабе изобретений на территории Индии, развитие технологических инноваций и др. Кроме того, основаниями выдачи принудительной лицензии согласно ст. 84 (1) (одно из) являются неудовлетворенность разумных потребностей общества в запатентованном изобретении; недоступность такого объекта патентных прав обществу по разумно приемлемой цене; отсутствие производства данного объекта на территории Индии [7].

Что касается Российской Федерации, то анализ научных взглядов на проблему позволяет прийти к выводу о том, что ученые видят публичный интерес в двух противоположных друг другу аспектах использования объекта патентных прав. С одной стороны, соответствующие действия патентообладателя (его активность в данной сфере), безусловно, составляет публичный интерес. Так, по мнению Э.П. Гаврилова, данный интерес заключается именно в широком использовании объекта промышленной собственности [8]. А. С. Ворожевич полагает, что публичный интерес предопределяет такие функции исключительных прав на патентоохраняемые объекты, как «стимулирование изоб-

ретательской деятельности, коммерциализации таких объектов и, как результат, обеспечение инновационного развития» [5, с. 15]. Иначе говоря, заинтересованность субъекта в создании нового объекта промышленной собственности и его патентовании, использовании в коммерческой деятельности способна в конечном итоге создать условия для инноваций в стране.

С другой стороны, публичный интерес может заключаться в необходимости ограничения права правообладателя на соответствующий объект. Как отмечает в этой связи А. Ю. Иванов, «основная задача, которую решает законодатель при создании механизмов балансировки работы института интеллектуальных прав, - это преодоление ... негативных эффектов от использования интеллектуальных прав, сдерживающих экономическое и инновационное развитие, вредящих интересам потребителей и приросту общественного блага» [1, с. 80]. В качестве примера здесь можно привести принудительное лицензирование селекционных достижений. Экономическая концентрация на мировом рынке семян в настоящее время привела к созданию «фактически закрытых вертикально интегрированных семенных платформ», то есть к олигополии в данной сфере, что несет в себе всевозможные угрозы и риски, в том числе снижения инновационной активности сельхозпроизводителей. Данный фактор предопределяет ограниченные возможности государства в обеспечении процесса инноваций в семенной индустрии. Решение проблемы обнаруживается в расширении принудительного лицензирования в данной сфере [9].

С учетом сказанного можно прийти к выводу о том, что публичные интересы могут заключаться как в предоставлении максимально широких возможностей в реализации принадлежащих правообладателям прав, так и необходимости в отдельных случаях существенного ограничения использования ими данных прав.

Наибольшие проблемы такая дихотомия вызывает в фармацевтической сфере, поскольку интересы государства в охране здоровья граждан одновременно заключаются как в инновационном развитии фармацевтической отрасли производства, так и обеспечении доступности для населения лекарственных средств. При этом такая доступность означает не только разумность цен на лекарства, но и саму возможность их реализации на территории государства. Поэтому неслучайно, как отмечает А. С. Ворожевич, возникает противоречие, с одной стороны, между интересами потребителей лекарственных препаратов, которые заключаются в повышении их доступности и, с другой стороны, интересами производителей данных препаратов, производство и коммерциализация которых является весьма затратной и длительной. А потому у фармпроизводителей, прежде всего зарубежных, должны быть стимулы для того, чтобы они имели интерес к регистрации и введению на территории страны новых лекарственных средств [2, с. 42 – 43].

Вместе с тем ссылки на то, что принудительное лицензирование в фармацевтической сфере способно прекратить здесь всякие инновации, поскольку фармацевтические компании откажутся в такие инновации инвестировать собственные денежные средства, являются, по мнению специалистов, безосновательными. Как в свое время отметил Генеральный секретарь Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) Р. Рикуперо, «эмпирические данные о значении интеллектуальной собственности в стимулировании инноваций и развития в целом очень ограничены и неубедительны» [1, с. 89]. Более того, Декларация о патентной охране: законодательный суверенитет в условиях ТРИПС [10] рассматривает принудительное лицензирование как институт, обеспечивающий «эффективность работы инновационных рынков путем снижения рисков использования патентов как барьеров для изобретательства и инноваций».

В целом, обозначенная дихотомия в понимании публичного интереса применительно к принудительному лицензированию приводит некоторых ученых к мнению, что в данной области конфликт частных и публичных интересов неизбежен. Так, А. С. Ворожевич полагает, что «сфере патентных правоотношений присущ фундаментальный конфликт разнонаправленных частных и общественных интересов» [2, с. 42]. Данный конфликт, по мнению автора, заключается в том, что в условиях ограниченности ресурсов, с одной стороны, интеллектуальная собственность способствует повышению конкуренто-

способности государства на мировом рынке, а также удовлетворению наиболее важных потребностей в социальной сфере. С другой стороны, интеллектуальная собственность выполняет роль основного корпоративного актива в частных компаниях, когда их лидерство на рынке предопределяется во многом их предложением высокотехнологичных, основанных на патентоохраняемых объектах товаров [5, с. 14].

Данная точка зрения о конфликте между частными и публичными интересами имеет свою основу в отечественной научной литературе. В частности, В. В. Субочев полагает, что между общественными и личными интересами существует неустранимое диалектическое противоречие, которое благодаря государству не перерастает в социальный конфликт [11, с. 9].

Однако, по нашему мнению, в приведенной ситуации речь идет вовсе не о противопоставлении частных и публичных интересов. Поскольку, например, и в интересах потребителей лекарственных средств, и в интересах производителей таких средств обнаруживаются одновременно и частные и публичные интересы. Так, удовлетворение частных потребностей населения в жизненно важных препаратах безусловно составляет интерес государства. Аналогичным образом государство заинтересовано во ведении на территории страны новых препаратов. Поэтому о конфликте частных и публичных интересов здесь речи идти не может. Может речь идти лишь о том, что Рудольф фон Иеринг назвал рефлексивными действиями, когда лицо, желая достичь собственной выгоды, неосознанно служит общему интересу, когда «никто не думает о цели общества, а между тем последняя таким путем достигается, может быть, вернее и быстрее, нежели в том случае, когда бы преследовалась не косвенно, а непосредственно» [12, с. 36, 43, 181, 267]. Как отмечает в этой связи Т.С. Яценко, нередко случается, когда частные и публичные интересы соответствуют друг другу или даже совпадают, «в такой ситуации гражданское право, охраняя частный интерес, одновременно обеспечивает и публичный, а лицо, удовлетворяя свой собственный интерес, способствует реализации и публичного интереса» [13, с. 59]. Поэтому неслучайно, что и в отношении принудительного лицензирования в научной литературе высказывается мнение, согласно которому данный институт предназначен для того, чтобы обеспечивать справедливый баланс между интересами разных лиц [14, с. 98]. Следовательно, при взгляде на проблему в определенном ракурсе в принудительном лицензировании можно обнаружить не конфликт, а совпадение частных и публичных интересов.

Кроме того, как отмечают отдельные ученые, международная доктрина предполагает необходимость соблюдения баланса между законными интересами правообладателя и публичными интересами. Для этого международные акты ВТО предусматривают принцип «надлежащего процесса», который требует взвешенного подхода и тщательного анализа ситуации, когда речь идет о необходимости ограничения прав и свобод участников правоотношений. Именно поэтому в процессе встречи Совета по ТРИПС в 2010 г. было отмечено, что «способствовать снятию клейма, связанного с использованием принудительного лицензирования, может применение данного инструмента развивающимися странами только в качестве исключения» [15, с. 7].

Подводя итог сказанному следует отметить, что понятие публичного интереса применительно к принудительному лицензированию может толковаться довольно широко и включать в себя и потребности в охране прав патентообладателей, создании условий для наиболее полной их реализации, и необходимость в обеспечении интересов потребителей определенных товаров, работ или услуг, и, наконец, гарантирование государственной и общественной безопасности в целом. Такое широкое понимание публичных интересов как основания выдачи принудительной лицензии требует от правоприменителей учета всех обстоятельств дела и выстраивания иерархии затрагиваемых в этом случае интересов с тем, чтобы отдать предпочтение одному из них, и, таким образом, удовлетворить или отказать в удовлетворении просьбы заявителя о выдаче ему данной лицензии.

Литература

1. Иванов А. Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5.
2. Ворожеевич А. С. Риски и возможные последствия ограничений патентных прав в фармсфере // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 6.
3. СПС Гарант.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Патентное право. Право на селекционные достижения. Постатейный комментарий к главам 72 и 73 / К. В. Всеволожский, О. В. Добрынин, В. Н. Кастальский и др. / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. – 444 с. / СПС КонсультантПлюс.
5. Ворожеевич А. С. Условия принудительного лицензирования: международный и национальный аспект // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 2.
6. Еременко В. И. Законодательство об интеллектуальной собственности Вьетнама // Законодательство и экономика. 2016. № 3. С. 66 – 77; № 4. С. 62 – 75 / СПС КонсультантПлюс.
7. Еременко В.И. Законодательство Индии об интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. 2015. № 6. С. 52 - 74; № 7. С. 41 – 62 / СПС КонсультантПлюс.
8. Гаврилов Э. П. 50 лет с даты вступления СССР в Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности // Патенты и лицензии. 2015. № 7. С. 17 – 22 / СПС КонсультантПлюс.
9. Иванов А. Ю., Каталевский Д. Ю., Лианос Я. Рынок семян: глобализация, конкуренция и интеллектуальная собственность // Закон. 2016. № 5. С. 49 – 66 / СПС КонсультантПлюс.
10. Declaration on Patent Protection: Regulatory Sovereignty under TRIPS. Режим доступа: <https://www.mpg.de/8132986/Patent-Declaration.pdf> (дата обращения: 23.03.2018)
11. Субочев В. В. Законные интересы / Под ред. А.В. Малько. М.: Норма, 2011. 496 с.
12. Иеринг Р. Цель в праве / Избранные труды. Самара: Самарская гос. экономическая академия, 2003.
13. Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дисс. ... докт.юрид.наук: 12.00.03. М., 2016. 361 с.
14. Елисеев В. И. Правовая охрана зависимых объектов патентных прав // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47).
15. Завьялова М. Принудительное лицензирование как механизм-исключение в фармацевтическом секторе // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2016. № 12.

Shedrina Natalia Dmitrievna, Postgraduate student of the Civil Law Department, Southern Federal University (88, Gorky str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: nata-200779@mail.ru

CONSIDERATION OF PUBLIC INTERESTS IN COMPULSORY LICENSING OF PATENT RIGHTS OBJECTS

Abstract

Compulsory licensing remains one of the most controversial institutions of intellectual property law, the subject of disputes between scientists and law enforcement at the level of both national law and international cooperation in this field. Regardless of the attitude towards this institution and the limits of its use in civil turnover, experts agree that public interest is the necessary basis for issuing a compulsory license. However, there is no common understanding of such interest and of the limits of interpretation of its content. The author investigates the problem taking into account the experience of foreign countries in the field.

Key words: civil law, compulsory license, abuse of rights, public interest, intellectual property, copyright holder, competition.